

Содержание

<i>Г. Зыкова, Е. Пенская. От составителей</i>	6
---	---

I

НЕКРАСОВ ВСПОМИНАЕТ

«Родился я в 1934 в Москве...»	11
Автобиография	20
Письмо А.И. Цюрупе.....	21
<М.Е. Соковнин>	25
<О метафоре в поэзии 1950–1960-х годов: из статьи об акции группы «Коллективные действия» «Темное место»>	31
<Я.А. Сатуновский>	36
О ранних работах Э.В. Булатова.....	45
<У Белого дома в августе 1991 года>	47
Из интервью В.Г. Кулакову.....	56
«Основная мысль Кошута...»	126
«В Лианозово меня привезли осенью 1959-го...»	141
Лианозовская чернуха.....	148
<Что такое город>.....	157
Кусок Москвы	159
<i>Приложение. История с идеологией</i>	160

II

ПИСЬМА

Вс.Н. Некрасов к М.Я. Гробману.....	165
Я.А. Сатуновский к Вс.Н. Некрасову.....	168
Вс.Н. Некрасов к Я.А. Сатуновскому.....	178
А. Броусек к Вс.Н. Некрасову.....	179
Вс.Н. Некрасов к Г.С. Померанцу.....	181
Вс.Н. Некрасов к Б.А. Бегаку.....	186
Переписка Вс.Н. Некрасова и В.Б. Кривулина	199
Переписка Вс.Н. Некрасова и Н.К. Бокова	210
Вс.Н. Некрасов к Н.Н. Садуру.....	236
Вс.Н. Некрасов к Б.Ш. Окуджаве	242
Г.Н. Айги к Вс.Н. Некрасову	243
О.Я. Рабин к Вс.Н. Некрасову.....	246
О.В. Васильев к Вс.Н. Некрасову	249
А.И. Журавлева к Асии Сваринской	250

III

ВОСПОМИНАНИЯ О НЕКРАСОВЕ

Владимир Немухин: «Последний русский футурист» (интервью).....	275
Владимир Немухин: «Многие стихотворения Некрасова выглядят как нарисованные» (интервью).....	277
Эрик Булатов: «Иллюстрировать Севу я никогда не собирался...» (интервью).....	286
Франциско Инфанте: «Он как нож врезался в эту культуру и показывал, из чего она состоит» (интервью).....	291
Е. Пенская. «Над ручьем весь день / Ловит, ловит стрекоза / Собственную тень...».....	294
Валерий Стигнеев: «Сама жизнь Некрасова — концептуальная» (интервью).....	295
Некрасов и семинар В.Н. Турбина: разговоры с Анатолием Аркадьевичем Черняковым.....	300
К. Доррендорф. Как Некрасов мне Галича пел.....	318
Т. Поликарпова. Каких-то десять лет.....	319
М. Шейнкер. Нарочный прибыл.....	327
Из воспоминаний.....	332
«У Севы был пафос собирательства...» (интервью).....	333
Лев Рубинштейн: «Концептуалистский круг был антибогемным» (интервью).....	346
Н. Абалакова, А. Жигалов. Всеволод Некрасов крупным планом.....	353
А. Монастырский. О Всеволоде Некрасове.....	364
Асия Сваринска о Некрасове в Риге (интервью).....	366
Ю.Б. Орлицкий: «На фестивале свободного стиха Всеволод Николаевич устроил шоу» (интервью).....	372
Иван Ахметьев о «Геркулесе» (интервью).....	381
Е. Пенская. «Немецкие чтения» в библиотеке им. Н.А. Некрасова.....	384
Два разговора с Алексеем Александровичем Левинским о Всеволоде Некрасове и театре (интервью).....	386
А. Макаров-Кротков. Неоконченное молчание со Всеволодом Некрасовым.....	397
По случаю.....	402
Александр Левин: «Когда услышал, как он читает, для меня открылась эта странная музыка...» (интервью).....	403
Собака лает: Всеволод Николаич.....	409
В. Тучков. История одного нереализованного проекта.....	413
В. Строчков. Последний солдат ушедшего полка (памяти Всеволода Некрасова).....	416
В. Коваль. Сдержанно согласился, резко возразил.....	417
С. Хэнсен. О Всеволоде Некрасове.....	422
В. Кулаков. С чистого листа.....	425

Герман Лукомников: «Материк оказался обитаем» (интервью).....	429
Ася Флитман: «Как Некрасов смотрел мои картины» (интервью)	441
Дж. Янечек. История издания «95 стихотворений» Всеволода Некрасова	442
Всеволод Некрасов в Спасо-Хаусе 27 июля 1989 г.	447
Т. Михайловская. Как я боролась с Некрасовым	454
В. Назанский. Выставка коллекции Всеволода Некрасова в Новосибирске	458
Элеонора Худошина: «Это стихи?!» (интервью).....	461
И. Скоропанова. Несколько дней с Вс.Н. Некрасовым	463
А. Чудецкая. «Всеволод Некрасов, литератор»	471
А. Беляков. Чай с Некрасовым.....	474
Е. Гродская. Русский японец.....	475
С. Лейбград. Десять встреч со Всеволодом Некрасовым.....	478
Е. Пенская. Три Самары Вс.Н. Некрасова	487
Я. Махонин. Даром не даром.....	489
А. Махонинова. Как сказать	493
П. Котикова. Я смотрела на всё, чтобы запомнить... ..	496
А. Голубкова. Непримирымый и не сдавшийся	497
М. Кузьмин. «Книгу не дарю, но...»	502
Б. Останин. Когда Всеволод Николаевич приезжал в Питер.....	504
О. Кушлина. Как помирились Всеволод Николаевич с Виктором Борисовичем	505
С. Трунин. Поэма Всеволода Некрасова «Минск»: судьба текста в различных редакциях	507

IV

М. Сухотин. Из дневника (1996–2009).....	513
М. Сухотин. Датировка стихов Вс. Некрасова периода «Геркулеса» и некоторые замечания к вопросу о понятии качества для него в связи с этим	547

V

Е. Пенская. Всеволод Некрасов, «Русский журнал» (www.russ.ru) и не только.....	577
Список иллюстраций	621
Список основных изданий Вс.Н. Некрасова.....	625
Именной указатель	626

От составителей

Мы начали готовить эту книгу вскоре после смерти Некрасова при участии Анны Ивановны Журавлевой (в последние дни ее жизни). Подготовка растянулась больше чем на 10 лет. За то время некоторые авторы материалов ушли из жизни (О.В. Васильев, О.Я. Рабин, Антонин Броусек, В.Н. Немухин, Н.К. Боков, В.С. Коваль, В.Я. Тучков, В.Т. Стигнеев...).

От традиционных для «сборников памяти» научных статей и стихов на смерть поэта мы отказались с самого начала. Книгу составляют мемуары, интервью, письма¹. Визуальный ряд включает фотографии (прежде всего автографов, рукописных и машинописных) и репродукции картин и графики (в том случае, когда репродуцируемое обсуждается или упоминается в статьях и интервью²).

Все эти годы мы — при деятельном участии М.А. Сухотина — разбирали архив Некрасова, передавая его в РГАЛИ, и в этой работе постепенно прояснялась основа книги: обнаруживалась документальная проза самого Некрасова, завершенная и незавершенная: воспоминания (часто поясняют его эстетическую позицию), письма, разговоры (аудиозаписи). Вместе с письмами Анны Ивановны эта документальная проза составила почти половину настоящего издания³.

Наши собеседники в этой книге, как правило, рассматривают Некрасова в культурном контексте разных эпох, к которым он имел непосредственное отношение. Среди сообществ, так или иначе упоминаемых здесь, — русский «Барбизон» в Прилуках, университетский семинар В. Турбина (1960-е), совсем другой природы семинар М. Шейнкера и А. Чачко, где уже в 1970-е годы художники и поэты обсуждали самые острые для них творческие вопросы, ленинградский самиздатский журнал «Тридцать семь», где В. Кривулин (так же как и его друг М. Шейнкер на своем московском семинаре) пытался в конце 1970-х примирить «московскую» и «петербургскую» художественные школы, круг концептуалистов (см. интервью Л. Рубинштейна, мемуары Жигалова, Абалаковой и Монастырского), в частности, группа «Коллективные действия», художники, связанные с Московским архивом нового искусства. Заметим, что

¹ Мы не собирались здесь полностью дать сохранившийся (прежде всего в архиве поэта) корпус переписки Некрасова (довольно значительный, потому что была привычка сохранять копии писем — вторые экземпляры машинописи).

² Описание и репродуцирование собранной Некрасовым коллекции живописи и графики (передано в ГМИИ) — задача отдельного каталога.

³ Кое-что из вошедшего в книгу мы уже обнародовали, прежде в сетевом журнале «Цирк “Олимп”» и на персональном сайте Некрасова; если во врезе это не оговаривается, то материал публикуется в настоящем издании впервые.

публикация воспоминаний об участии Некрасова в акциях «Коллективных действий» и в МАНИ потребовала от составителей обратиться к архивам, чтобы прояснить запутанные вопросы, связанные с присутствием текстов и объектов Некрасова в «Папках МАНИ». Внятное и полное описание этих важных документов публике до сих пор не предложено, хотя речь идет о событиях почти сорокалетней давности... Вопрос о хронологических и художественных границах русского концептуализма размыт: постороннему наблюдателю может даже показаться, что концептуализм нередко понимается не столько как художественная система, сколько как закрытый клуб, так что всякое уточнение фактов — дат, круга текстов и проч. — полезно.

Посвященные сложной истории книги стихов Некрасова, планировавшейся, но не вышедшей в издательстве «Новое литературное обозрение», воспоминания сотрудника тогдашнего «НЛО» Т. Михайловской касаются конфликтных вопросов редакционной кухни рубежа 1990-х — 2000-х годов. О публичном поведении позднего Некрасова как литератора, об особенностях рецепции его творчества в новой аудитории свидетельствуют воспоминания белорусского филолога И.С. Скоропановой и А. Голубковой (последняя оценивает на собственном опыте, в частности, степень осведомленности недавних выпускников филологического факультета МГУ о поэзии второй половины XX века).

Только о «лианозовской группе», к которой обычно в первую очередь Некрасова и причисляют (тем самым слишком ограничивая, на наш взгляд, представления о нем и искусственно загоняя живого, меняющегося поэта в резервацию начала 1960-х годов), вспомнить оказалось уже почти некому (отчасти это компенсируется письмом О.Я. Рабина во втором разделе).

Архивные материалы воспроизводятся с сохранением авторского правописания (очевидные опiski устраняются); в стихах воспроизведена значимая для автора графика.

Комментариями составителей сопровождаются только (как это принято) архивные материалы. В отдельных (редких) случаях мы — как современники и свидетели — позволили себе уточняющие реплики к высказываниям ныне здравствующих авторов.

В книге отсутствуют справки об авторах, но в одном случае мы все-таки решили поступить иначе: с Валерием Тимофеевичем Стигнеевым (28 сентября 1937 — 18 декабря 2021, Москва), близким другом Некрасова и Журавлевой, мы были знакомы многие годы, а после его ухода племянник покойного, Д.В. Жегулев, любезно передал нам копию его трудовой книжки, по которой мы смогли восстановить его профессиональный путь.

Композиция блока воспоминаний о Некрасове строится в хронологическом порядке, от старших к младшим.

* * *

Крупные проекты последних десятилетий, посвященные неподцензурной культуре второй половины XX века, выявили наличие существенных лакун. Документальные разделы в них по большей части посвящены визуальным искусствам, книги о литераторах можно пересчитать по пальцам⁴. Так, на «оттепельной» выставке в Третьяковской галерее собственно литературе было уделено место более чем скромное; нельзя, однако, не заметить, что сопоставимых по масштабу экспозиций, посвященных литературе эпохи, в сущности, не было. Материалы из личного архива Всеволода Некрасова, как мы полагаем, сегодня восстанавливают крайне важный пласт русской культуры второй половины XX — начала XXI века.

* * *

Мы благодарны всем, кто терпеливо ждал выхода книги, и тем, кто помог: М.А. Сухотину, Яну и Алене Махониновым, М.Я. Шейнкеру, Г.Г. Суперфину, А.Ю. Макарову-Кроткову, И.А. Ахметьеву, В.И. Орлову, В.Г. Кулакову, М. Классен, В.Л. Лехциеру, А.В. Родионовой, А.О. Бурцевой, Н.В. Куприяновой, Е.А. Бережновой.

Спасибо М.Е. Сапрыкину, участвовавшему в подготовке именного указателя.

Хотим выразить признательность Е.А. Ивановой, директору Издательского дома НИУ ВШЭ, за неравнодушие и творческое участие в работе над книгой.

Г. Зыкова, Е. Пенская

⁴ См., напр.: *Монастырский А., Панитков Н., Алексеев Н., Макаревич И., Елагина Е., Кизевальтер Г., Ромашко С., Хэнсен С. Поездки за город*. М.: Ad Marginem, 1998; *Великий Генрих: Сапгир и о Сапгире*. М.: РГГУ, 2003; *Кабаков И. 60–70-е... Записки о неофициальной жизни в Москве*. М.: Новое литературное обозрение, 2008; *Эти странные семидесятые, или Потеря невинности: эссе, интервью, воспоминания*. М.: НЛО, 2010; *Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов*. М.: НЛО, 2010; *Переломные восьмидесятые в неофициальном искусстве СССР: эссе, интервью, фотографии*. М.: НЛО, 2014; *Кантор-Козовская А. Гробман Grobman*. М.: НЛО, 2014; *Московский концептуализм: начало*. Нижний Новгород, 2014; *Эпштейн А. Художник Оскар Рабин: запечатленная судьба*. М.: НЛО, 2015; *Шелковский И. Переписка художников с журналом «А—Я»*. Т. 1–2 (1976–1981). М.: НЛО, 2019; *Памяти Николая Бокова*. N.Y.: Franc-Tireur, 2021; Из совсем недавних изданий — «“Аианозовская школа”: между барачной поэзией и русским конкретизмом» (М.: НЛО, 2021), готовившаяся в последние месяцы работы над настоящим изданием и частично пересекающаяся с ним по материалу, а также: *Кукулин И., Липовецкий М. Партизанский логос: Проект Дмитрия Александровича Пригова*. М.: НЛО, 2021.

I

Некрасов вспоминает

забыл

но помню

Тихвинский переулок

дом пять

дробь двенадцать

корпус семь

квартира одиннадцать

Некрасов Николай Матвеевич

мой отец

и моя мама

Валентина Филипповна

Секиринская

я подумал

(По рабочей машинописи, конец 1970-х годов)

Под редакторским, видимо, названием «Предыстория» опубл.: Пушкин, 1997. № 1. С. 14–17 (см.: http://old.russ.ru/journal/ist_sovr/97-09-22/nekras.htm, дата доступа: 14.03.2020). Публикация содержала некоторые опечатки, а также стилистические правки и графические решения, не вполне согласованные с автором (замечания Некрасова по этому поводу см.: Пушкин, 1997. № 3, с. 44–45). В компьютере Некрасова сохранился файл редакции без следов постороннего вмешательства. В версии «Пушкина», кроме внешней правки, была, как можно догадаться, и какая-то правка самого Некрасова, вносившаяся по ходу дела и не зафиксированная в компьютере поэта. Отделить внешнюю «порчу текста» от авторской правки мы не беремся и воспроизводим здесь исходную редакцию по авторскому набору.

Текст купированного нами финала в «Пушкине» и авторском файле совершенно совпадает и легко доступен.

Родился я в 1934 в Москве. В 41 уехали в эвакуацию в Казань и, попробовав походить в школу, я от военной голодухи свалился с острой дистрофией и, месяца полтора пролежав в больнице с блокадными ленинградцами, выкарабкался не без труда. В школу пошел уже в Москве осенью 43 и окончил весной 53. В промежутке (45–47) уезжал к тете, маминой сестре, в Мариуполь, где, помню, первый раз за 4 года (41–45) наелся досыта. Туда же приезжал летом несколько раз до тетиной смерти (60), и вообще тете Марусе я благодарен за многое.

Дома обстановка была непростая, у матери с отцом что-то не ладилось, и она ушла в другую семью, прихватив и меня, чему эта другая семья в большинстве не обрадовалась. Все совпало с военными передрыгами и привело к потере родительской квартиры — в двух смежных комнатах теперь оказалось шестеро¹ соседей не очень дружных. В 44 умер отец, в 47 — мать, в 52 — отчим². И отношения со сводной родней всё напрягались.

Тем временем, набрав после школы 22 очка из 25, я не прошел по конкурсу на юрфак МГУ и скорей забрал документы куда попало (попал) — в МИНХ

¹ В файле с позднейшей редакцией, носящей следы редакторской правки, — «семеро». — Здесь и ниже примечания составителей. В тех случаях, когда примечания принадлежат автору текста, это специально оговаривается.

² Семен Федорович Казанский (1877–1952), врач-гигиенист, автор многочисленных брошюр о гигиене на транспорте; профессор, доктор медицинских наук, член Ученого совета Центрального научно-исследовательского института Наркомздрава. Как и мать Некрасова Валентина Филипповна (урожденная Хлопик, Секиринская по первому мужу), Семен Федорович был, видимо, из Мариуполя или по крайней мере связан с этим городом, судя по составленному им «Отчету о состоянии земской медицины в Мариупольском уезде Екатеринославской губернии за 1913 год» (Мариуполь, 1914).

После смерти матери в 1947 году Некрасов остался в квартире на Петровке с Казанским и его родственниками. Казанский, судя по сохранившейся переписке с любимой теткой Некрасова, сестрой матери Марией Филипповной Хлопик (1907–1960), о пасынке заботился, но умер, когда Некрасов еще учился в школе; в квартире на Петровке как старшие с Некрасовым остались дочь Казанского Людмила и ее муж, упоминаемый Некрасовым Апанович; отношения с ними были неблизкие. Из этого дома Некрасов в 1967 году переехал к Журавлевым в Сокольники.

имени Плеханова (а на следующий день всех с 22 и даже с 21 очком отбирал из приемной МГУ юридический институт, который через полгода слили с тем же юрфаком. Повезло мне или не повезло — так и не знаю). Зимнюю сессию я сдал прилично. Два предмета, помню, даже понравились — теоретическая механика и начерталка. Но вообще со стимулами в Плехановском было, честно говоря, слабовато. Весеннюю сессию сдавал вяло, не сдал и отнес документы, куда хотел, собственно, нести с самого начала — опять же в МГУ, но уже прямо на филологический. И набрал уже 23. Налицо был прогресс, но недостаточный, чтобы одолеть конкурс, и с огорчения уехал я к тете Марусе набрать сил перед неминуемой армией. Но армии не повезло: помешал поезд «Стрела» — паровоз + 3 вагона. Ходивший твердо трижды в день по графику Завод — Вокзал — Порт. Как положено, а не как кто хочет. В августе все хотели на пляж — как раз между «Вокзалом» и «Портом», там на ходу и ссыпались. И ход не сильный — 20–25 км/ч — и дело вроде привычное, но и насыпь кривая. Результат — гипс. Разрыв связок, которому Свердловский райвоенкомат, конечно, не поверил. Но рентгену — пришлось. И вот первая зима без учебы и сделалась самой главной учебой.

Мое литературное воспитание — Лермонтов в 7 лет, Гоголь в 9–10 (плюс «Три мушкетера», Том Сойер), Пушкин и Некрасов (о сельском представлении было, а петербургский впечатлил, приготовив к очеркам Чуковского, и лет уже через 7) — в 11–12. Лежали книжки на столе, на полке. По «тарелке» Антон Шварц читал «Теркина». Лежал и Горький, вызывая кислое к себе отношение — бессознательное, но устойчивое. Иное дело — Есенин, томик 46 года³. Как бы и непонятно, но залегло до поры до времени где-то в фундамент. А дальше — уже не фундамент, а чтение больше по собственной инициативе и выбору. Во многом, боюсь, определявшимся тов. Ждановым — понятно, с обратным знаком. «Пошляка Зоценко» я помнил еще с довоенных радиопередач в хенкинском, кажется, исполнении⁴. Сергеев пишет, что «не принадлежал к цивилизации Ильфа и Петрова»⁵. Я «принадлежал» с потрохами — не без помощи, кстати, сводного, спасибо ему, дяди Ивана Константиновича в недолгий период терпимого ко мне отношения (еще он нещадно костерил Сталина — понятно, поплотней закрыв дверь) — заодно с интеллигентной частью «В» класса. И ушибла книжечка Архангельского 28, кажется, года⁶. Думаю, это был этап, перелом. Тут, наверно, я и пропал для всего, кроме литературы

³ Есенин С.А. Избранное. М.: ОГИЗ, 1946. 480 с.

⁴ Рассказы Зоценко в исполнении Владимира Яковлевича Хенкина (1883–1953) выходили на грампластинках, сохранились аудио и видеозаписи.

⁵ Сергеев А. Omnibus. М.: НЛО, 1997. С. 247 («Альбом для марок», «Юберзее», «Новая жизнь»). Отношение Сергеева к Ильфу и Петрову этой фразой не исчерпывается, они были для него важны, как видно из того же «Альбома для марок».

⁶ Может быть, имеется в виду это издание: Архангельский А. Пародии. М.: Никитинские субботники, 1929.

(8 класс), хоть еще и не знал об этом. Эта литература и заставляла читать себя именно как литературу, без конца сравнивая «Случай в бане», оригинал и пародию, без конца восторгаться. И соображать, что к чему, хочешь не хочешь.

Время было — смеху было. Сталин шел к концу и кончился как раз к окончанию школы. Но смех смехом, а крепко меня взяли в оборот какие-то растрепанные листики Есенина: «Закружилась листва золотая...», «А месяц будет плыть и плыть...» (сразу вспомнился тетин томик, стал его клянчить, но он куда-то делся. Издадут Есенина уже в 56-м) и особенно первый том Маяковского, раннего, самого-самого, тогда только вышедший. Можно было подписаться и взять. Так я и сделал. (А потом — и последний, раз уже оплачено). И Блок здорового формата, 45 года, ухваченный в буке. Этим я и жил, и жил, смотрю, не так бедно. Естественно, пытался писать и сам — и, естественно, плохо. Крайне. Одолевала образность и великие образцы. Автором я просто не был, но читателем я уже был.

И тут-то мне и вышли каникулы. И если обязан я кому-то своей поэзией персонально, то (не считая влюбленностей) первым делом — Алику Русанову⁷,

⁷ Альберт Борисович Русанов (14.01.1936, Петропавловск-Камчатский — 05.01.2002, Москва). Инженер, школьный друг Некрасова, московский коллекционер неофициального искусства в 1970-х–1980-х. Дружил с Н. Глазковым и познакомил с ним Некрасова.

Несколько подробнее Некрасов говорит о Русанове в неопубликованном наброске: «Как я стал поэтом?.. Н-ну... Чтоб лишний раз не раздражать зря оппонентов (так их тут назовем), скажем осторожно: если я стал поэтом, то стал я им благодаря школьному товарищу Алику Русанову.

Во всяком случае, на добрую долю. Остальные доли (неравной величины) — толстенный Пушкин, компактный Лермонтов (до школы), дореволюционный Некрасов (лет в 10), Теркин из «тарелки» в войну, книжечка Антокольского «Сын», Том 1 Маяковского плюс книга Перцова, (еще раньше — «Маяковский сам»); Есенин (листочка, потом книжечка и «Роман без вранья»); Блок 46 и сборник пародий Архангельского 28 года, почитать который дала Ира М. в 8 классе. Да, наверно, сюда же Зоценко и Ильф с Петровым, практически заучивавшиеся наизусть: чем не стихи?

(А вообще вопрос мне кажется по адресу: я вроде бы действительно помню, как с т а н о в л я кем-то и чем-то. Постепенно, поэтапно, со скрипом, куда медленнее, чем хотелось бы. Я, прошу прощения, человек н е т а л а н т л и в ы й, в смысле не одаренный. Скорее, копивший.)

То есть уже к старшим классам был я закоренелый поэт-читатель. Как и многие тогда. Каким образом и почему полез я в поэты-авторы? Тут-то и придется обратиться к Алику Русанову. Дело было так.

Алик в юности был парень фантастически заводной и вообще фантастический. В том числе и в том смысле, что невероятный фантазер. До того, что с ним, наверно, трудно было бы иметь дело, кабы не одна черта, странность даже. В нем, по-моему, начисто не было злости. И никакой подлости, ни в каких ее модификациях. И что бы ни городил Алик, он никогда не врал — только фантазировал, и слушать его было, что называется, любо. Любили Алика все, и фантазировать мешать Алику было бы просто кощунство. Хоть бы его фантазии были и про тебя самого...

У меня могли быть какие-то стихи, относившиеся некогда к Ире М., но своих этих стихов Алику я не показывал точно. Уже понимая, что не годятся они никуда ни с какой

приятелю с первого класса — он той зимой 54–55 взял надо мной настоящее литературное шефство. Познакомил с Мандельштамом («Как на Каме-реке глазу темно, когда...» — я сразу вскинулся: вот, опять как Блок, как Есенин, как Маяковский. Только не Есенин, не Маяковский и не Блок... Пастернак же попался поздний и тогда особо не зацепил), с Олейниковым и с Глазковым — с Глазковым даже и лично. Личное знакомство мало что дало, да не очень и интересовало — дядя Коля Глазков чудил как мог, как обычно, — дело было в другом — в ощущении поэзии первого, как теперь говорят ряда, пишущейся сейчас и здесь, на глазах. Какая она сейчас — поэзия? Кто сейчас Маяковский? Каким бы он, Маяковский, мог сейчас быть?.. Что собственные стихи не клеятся у меня еще и потому, что выпали они из времени, из движения языка, раз мои любимые образы-образцы — 40-летней, дореволюционной давности — я догадывался. Но окружающая «современная» поэзия (тогда Евтушенко в основном был Симонов) никак не заражала, ничем не заинтересовывала. Действительно современная — тот же, скажем, Мартынов — поэзия в печать не проникала, ее я не знал. А какой-нибудь «Евгений Аронич / не гений, а сволочь» Глазкова и была она, современная поэзия, со своей современной техникой, актуальным языком, необходимым как воздух. Со своей концепцией стиха, философией и жизнью, живым движением речи, по которым за сорок лет просто истосковались. Вникать читательски тут было во что, и занятия этого хватило на всю длинную разгильдяйскую зиму. Помог и Алик, настроенный круто: юмор юмором, а Глазков гений. Глазков и сам говорит... И хоть и смущал гений, а в итоге, думаю, все дело в том, что Алик-то оказался прав. Как и Глазков. При всех дополнениях, примечаниях и уточнениях.

стороны. Другой разговор, что как одержимый поэт-читатель я так на Алика наседаю, так прожужжал ему уши футуристами-имажинистами, что завелся бы, наверно, любой, а Алик вышел на полные обороты очень быстро: почти сразу с самой серьезной физиономией стал требовать, чтобы и нам, раз такое дело, прямо выступить с манифестом — чем мы, действительно, хуже имажинистов-футуристов?.. Я ошарашивался и начинала мямлить, что и кроме манифестов неплохо бы иметь в багаже что-то — скажем, те же стихи... Алик не терялся и возражал в том смысле, что поначалу и у футуристов-имажинистов со стихами было не так уж густо — стихи или там романы — дело наживное, вообще лиха беда начало и т.д. <...>

Будучи балбесом сравнительно взрослым, под 20 лет, на манифесты я всё же не клаюну, но с панталыку незаметно-таки сбился и принялся писать стихи ни с чего и не для чего — просто вот, чтобы были и у меня мои стихи... Как у людей... Для рекомендации, что ли...

Резон для стихов не самый серьезный, и стихи были — не бей лежачего. И более чем беспомощные, и с художественными претензиями. Хуже не бывает. А хуже всего то, что с этими стихами я, подзуживаемый Аликом, сунулся на приемный конкурс в литинститут — вообще-то на авось сунулся, на всякий случай, но всё равно — сраму было... То есть сраму вроде бы и не было тогда: ну отказ и отказ, но как вспомнишь... Ладно уж — что говорить...

Надо сказать, что мои разговоры про футуристов-имажинистов — это было еще что. Детский лепет рядом с Аликом, который был куда продвинутое и информированнее...»

Сам я слово **гений** понимаю плохо. Слово **талант** не люблю: говорю, скажут «талантливый», а слышно: дурак, но талантливый. Без вдохновения нет читателя. Нет автора без соображения. До той зимы читатель я был уже, скажу, со вкусом. С мнением. Из Аликовой школы⁸ я вышел читателем с понятием, и чтоб стать и автором, не хватало мне только съесть тех самых 7 пудов соли. Дело времени, дело техники. Чем и занялся я вплотную через год-два уже на вожделенном филфаке — правда, не МГУ, а бывш. Потемкинского педа: даже и с 24 очками из 25 в МГУ не взяли. Хотя, опять же, вряд ли бы мне дали в МГУ столько времени грызть этот гранит с практической стороны, не академической стороны — в ЛитО. А тут, спасибо, дали (и не только за свободное время. И за занятое, за занятия спасибо М.В. Панову, Е.Б. Тагеру, и не им одним), хоть диплома у меня нет. И сам диплом писать вдруг велели задним числом, по прошло-позапрошлогодней педпрактике — т.е. делать явную липу. И вообще не с той стороны тогда я уже чересчур вгрызся. Но как бы ни было, а грыз-выгрызал я уже в другую эпоху, в другом состоянии, больше по-зрячему, с другим ощущением, и писал уже об этом в других случаях.

Тынянова, Шкловского, Эйхенбаума, Бахтина я прочту куда позже. Мы жили тогда Райкиным, Гердтом, Мироновой, Драгунским — тем самым травестированием, карнавалом, амбивалентностью — жили живой пародией вряд ли меньше, чем жили ей 30–40 лет назад при «формалистах»: уцелевшие после Сталина просто и не могли, наверно, не пародировать Сталина — что бы они там ни пародировали. Такое время пришло. Время Большой Пародии...

Вернее, наверно, пароксизма пародии: пародии-то всегда должно быть время и место... Так или иначе, один «Парнас дыбом», который дал тот же Алик, спаял тогда общим жгучим интересом: ну как так — «И медленно пройдя меж гольми» — это же больше, лучше Блок, чем Блок, чем «меж пьяными»; «меж гольми» — не только смешно — это легче, крепче и таинственным образом добавляет именно таинственности. Это явно то, что тут надо... И все Вертинские не Вертинские, пародии-имитации Алика шли естественно первым делом от интереса, острого восхищения при помощи, естественно, подковырок и тоже возможно поострее...

Подковырки же, боюсь, бывали тогда типовые — сравнить грехи молодости и огрехи старости. Верней, прорехи, дыры эпохи. Столкнуть лоб в лоб Вертинского «белогвардейского» с «советским», Зоценко до и после проработки, Сельвинского с Сельвинским, Утесова с Утесовым, уесть Месс Менд Мариэттой Шагинян или Эренбурга — Хулио Хуренито — не то наоборот, не

⁸ Нет, никак Алик не отец-командир, хоть и вышел по концу службы на Северном флоте (как раз за мои I–IV курсы) в младший комсостав, как положено. Алик парень был заводной и именно что талантливый, но уж не дурак. Как раз наоборот. У него тогда был явный дар пародии, не так литературной, как актерской, эстрадной. Вертинский был он лучше Вертинского, но на профессиональную эстраду, по-моему, и не пробивался. — *Примеч. автора.*

всегда и поймешь... И, уж конечно, напустить Маяковского на Маяковского. Острота таких сшибок бывала важнее знака, оценки: знак итоговой оценки и так проступал все явственнее — Большой Знак, общий. Уже потому, что само такое веселье, карусель сравнений-пародий-напоминаний еще лет 5 назад и не мыслилась. Сравнения-напоминания тогда были совсем-совсем другой жанр, что отлично все помнили — что и веселило; жизнь с краю черной сталинской дыры лет в 25 имела особенности...

Этой-то остротой, обоюдоостростью и жила глазковская строка как никакая другая. «Да он же умней Пастернака!..» — ахал, помню, выходя от Глазкова Аронов — человек и сам не глупый: при желании... Аронов тогда считал нужным доезжать всех и меня Евтушенко, которого и без Аронова было навалом, а я долбил Сашу Глазковым, за которым пришлось и тащиться к Глазкову — и вот: не зря, стало быть... Правда, как я понимаю, без последствий... (книжку Глазкова Евтушенко составил, кстати, до странности плохо, без разбора. Лучший печатный — по крайней мере, до 95 — сборник 84 года подобран вдовой, Риммой). Образностью так хотелось захлебываться, а выходило — расхлябываться. Глазков словно бы чуть касался, вроде почти случайно — но выходило точно, легко и в голове застревало не слабей имажинизма: «Над Москвою небо сине-сине. / Час такой: не поздно и не рано; / И не купишь водки в магазине, / И уже закрыты рестораны... / В час четвертый ни утра ни ночи / Видишь мир особыми глазами, / Ну, а если выпить хочешь очень — / Водка есть на Киевском вокзале...» **Осмеянные** как будто образность, захлеб, лирическое настроение оказываются **упрочненными**, усиленными. Через годик-два я с головой уйду в Леонида Мартынова. Затем — в Окуджаву, и уже не выйду... Окуджава, по-моему, из лириков лирик. Сатуновский — просто сама моя-наша речь. Но тут разговор не о них.

Пожалуй, стихами Мартынова хотелось жить и больше, чем глазковскими. Перед всей его поэзией стоит вводная фраза, в которую тут претворилась вся пародия, рефлексия — фраза **как говорится**. Лет через 30 из этого сделают манеру вязкого ерзанья, повиливанья, унылого хихиканья, расхожего кривлянья, юродистого причитанья, подвыиванья и, назвав **постмодерн**, устроят этому очередную бешеную раскрутку, рекламируя такой **постмодерн** как расчеты якобы с советским сознанием. По-моему, это не расчеты, а отрывка, такое сознание наизнанку, пародируемое механически, в спешке и в принципе безнадежно — в смысле поэзии. Мартыновское **как говорится** другое просто по природе — оно не вдруг выскочило, оно из «Реки Тишины» (хоть снимай тут кавычки), та самая лирическая образность, испытанная и упрочненная речью. **Образ, как он говорится на самом деле**. Общая речь, за которую автор не прячется и не высмеивает ее, а сливается и разделяет с ней ответственность за это **как говорится**. И говорится мощно. Заразительно. Тут мелькнуть могут и советские нотки — но не как качество самой этой речи, стиха, а как хвосты смыслов, привкусы тем, как бы внешние факты биографии. Тут есть следы драмы, и как

не быть следам такой драмы на советскую тему в **нашей общей речи**. Но уж если мы о биографии автора, то самое в ней заметное — отсутствие, устроенное Мартынову лет на 25 самых советских и полная невозможность как-либо уечь Мартынова Мартыновым — никакой перековке Мартынов не поддавался. Каким сам выковался, таким и оставался. Как и Глазков. И общий вектор новизны, резчайшего отличия мартыновской поэзии от фона глядит как раз не в советскую сторону явно. Просто вызывающе. А тогда, в 50-е — подавно.

Советских черточек в Глазкове, может, и не меньше. Как посмотреть. Больше того — от таких черточек отмахнешься тут вряд ли. Сов-лит общественность Глазков не посылал подале, а пускался с ней в некоторые игры. По нужде, что называется. В то же время остро, как никто, наверно, ощущая и сознавая сам свое поэтическое диссидентство: слово с а м с е б я и з д а т — глазковское слово, для собственных машинописных сборников, начиная с 1944 года. В общем, драма отношений к сов-власти, отношений с властью прожита Глазковым на совесть и уходит глубоко в природу строки, в качество ее, которое, может быть, лучше всего назвать словом «лукавство»: а что — говорим же мы о **лукавстве** Эзопа... Лукавство в самом широком смысле — «лукав человек»... Широком и разном. «Ищи постоянного, верного, / Умеющего приласкать; / Такого, как я, откровенного, / Тебе все равно не сыскать». Глазковское щеголянье откровенностью бывало и настырным, даже нудным. **Откровенность** вещь с подвохом: **открыв** сдуру аппарат, картинку на пленке не **откроешь**, а просто испортишь. Тем не менее мы понимали, чувствовали — для себя в чем-то самом существенном он остается прав: строки, стиха такого качества и правда ведь не сыскать — при всем их простецком обличи.

Сейчас думаю, что такую глубинную глазковскую органику стиха и создали, сплавив все эти советские драмы-пародии, двоякости-обоюдострости сознания — российского, но не расхристанного: Сталин вам не Достоевский. А тогда мы просто почуяли, нашли в стихах Глазкова как бы центр, вершину той Большой Пародии, которой жили. И первым делом пародист Алик.

Хотя, думаю, Алик тут в свою очередь может быть благодарен одной своей старшей, хорошей и очень умной знакомой. Замечательно она обитала — по нынешним понятиям чуть не в Кремле: в мансардном этаже с полукруглым окном как раз над магазином подписных изданий в проезде МХАТа. Звали ее Ирина, и была она из тех женщин с пишущей машинкой, которым литература самиздата должна будет поставить памятник, когда отдадут должное самой литературе самиздата.

Мне так надоели мои плохие стихи и так заботили чужие хорошие, что, когда хорошие вышли наконец и у меня (58), я как-то сразу их узнал, отличил, не испытывая авторских сомнений. И удивлялся, как это на них не реагирует тот же, скажем, Аронов — да почти и никто. А вот Алик с Ириной среагировали сразу. Алик, только что отслуживший, слегка усатый, многому научившийся, но ничего не забывший, — вот, как выяснилось...

А Ирина, поприветствовав меня после трех лет, тут же схватила эти скромненькие стихи о природе-погоде и уселась с ними за машинку — распечатать пару закладок. Наряду с глазковскими. Значит, понравилось — я вроде и не просил...

Это, кажется, весной, а осенью Алик свозит меня в Лианозово, на Рабина, познакомит уже с Холиным и Сапгиром и примется за «Синтаксис» — с другим Аликом, Гинзбургом, и с большим воодушевлением. И Ирина со своей добросовестностью примется за этот «Синтаксис» ночами на той же машинке — благо живет как никто — за стенкой чердак, соседей нету. Если не путаю, соберется еще в этой мансарде компания зимы 54–55 во главе с четой Глазковых при мне разок — и больше я Ирину не увижу.

Алик женится, и станем мы с ним наперегонки выклянчивать работы у лианозовцев — да и не только у них. Но тут я скоро отстану: сводная родня сперва выгородит мне пенальчик, затем взломает и придвинет стенку, оставив до другой меньше метра. Я кинусь выручать выклянченные работы, оттащу их к Русановым и обижусь, когда жена Вера начнет разводить агитацию: Некрасов плохо содержит коллекцию, не давайте ему ничего, давайте нам... А Алик с ней не заспорит...

Потом острота спадет, женюсь и я, а Алик разведется и коллекция Алика отойдет к бывшей жене Алика и как коллекция существование прекратит, разлетится. Сейчас Алик не встает с постели и от Алика не отходит жена Люда. И глядит на Алика новая коллекция с отличными, между прочим, Немухинскими — в том числе очень похожими на обещанные давным-давно мне — как раз перед Верининой злонамеренной агитацией. Недостойные коллекционерские чувства по этому поводу, когда заглядываю к Алику и Люде (реже, чем надо бы), я в себе подавляю. В данном случае молодец Володя Немухин, что скажешь. И художник же. Но это и в других случаях. Это все знают. В том-то и дело.

Давно умерла Ирина, а дебаты наши всё не стихают — или это только мне так кажется? За что бодем — за «Хулио Хуренито» или за «Проточный переулоч»? Кружков Сережа — за Хуренито. Ирина, я — за Проточный. Алик нет-нет да угольков и подкинет... (По-моему, что Эренбург все-таки и писатель — показывает как раз «Проточный». Бывал, во всяком случае, писатель, мог быть. Поэт, хоть стихи Эренбурга явно не годятся. У него другие стихи, спрятанные: абзац = верлибр. Газетная школа и она же Гран Стиль, французская поэзия, которую, похоже, он и правда чувствовал — насколько я могу догадываться, сам французского не зная. Абзацы такие попадают в «Падении Парижа», даже в «Буре». Французам по-русски вообще как будто ведь повезло меньше всех — самое яркое и близкое явление — наверно, Гена Айги, но он, во-первых, все-таки не перевод буквально, а во-вторых — явление специфическое, гениально-героическое, чем я уже восхищался печатно, но героическое оно и есть героическое. Эренбургские же абзац-верлибры кажутся как бы

нечаянными. И нормальными, как экспрессионизм. А так перепад краев черной дыры Эренбург обозначал, может, и резче всех, зато и штопал потом дыру мемуарами успешней других. Для себя — точно. Хуренито же смущал, сбивал — самая конфета для пародии, как же, самый сюжет, самый первоначальный, рискованный, знаменитый Эренбург — еще и с предисловием БУХАРИНА — самая контра, а читать чего-то тянет не очень...

Понятие, что «великая провокация» = «жареный лед», у нас с Аликом еще было едва ли, но ощущение уже шевелилось.

И за кого болеем — за Зощенко или Ильфа-Петрова?.. Это я и сейчас не скажу, хоть болеть буду уже не с тем азартом. Но буду. Зловредное советское бесстылье вызывало жажду цельности стилиа и метода. И тут Зощенко явно выходил вперед. Надо сказать, тихоней Ирина не была. Отнюдь. Просто умница.

— Понимаете, ребята, но они ведь вот что умели: «...И совершенно распоясавшиеся извозчицьи лошади копытами цокали совсем уж нарочно...». Вот кто еще так мог? А?.. А вы говорите пародия и я...⁹ — А вы не говорите? — Ну, мы, мы... Мы говорим...

Ну а что поделаешь, принадлежа к этой цивилизации и к этому миру, и с ушами принадлежа этому московскому весеннему вечеру — совсем другому, не ильфовскому, без лошадей и другому, чем сейчас — с разом, рывком, в густую синьку красившими воздух обычными лампами накаливания в уличных фонарях... «Над Москвою небо сине-сине...» И что поделаешь — вечеру, однако же, вот, и блоковскому, и маяковскому, и ильфовскому, разом и узнаваемому — так, как будто с детства рос в Москве лошадей, а не в Москве эмок, полуторок и трехтонок...

Не только принадлежа — живя, дыша, бывает, захлебываясь — другой раз цивилизация идет и не в то горло — пожалуйста: Вознесенский — но без такого твоего захлеба, как после войны газировкой, вжитости, а не просто присутствия, у самых твоих умных замечаний насчет этой цивилизации, пожалуй, не будет того свидетельского веса. «В траве кричала мелкая птичья сволочь...» «И звезда с звездой говорит по азбуке Морзе» — вот как тут не **принадлежать**? И принадлежать тянет еще и тем, что прочно это. Крепко. Защищено так защищено. Заделано в каленое острие. А, может, само острие из алмаза? Того самого **кристалла**? Само себе **пародия**, само себе и оригинал.

Блок боится Олейникова, а Мандельштам — не боится. Зощенко не боится Архангельского — как мы видели. Пускай Горький боится... Зощенко же кого

⁹ Лучше уточнить лишний раз: не в том дело, конечно, что писал Глазков и пародии буквально. И не в том, чтоб видеть во всех советских стихах Глазкова непременно преднамеренное пародирование сплошь: похоже, В. Казак просто хочет думать про нас слишком хорошо. 70 лет **строого** режима — не 12. А в том, что внутри строки, в природе речи, хочешь-не хочешь. И еще в том, что в 54 году «Придет эпоха во Вселенной, / Что станет жизнь прекрасна. / Оно, конечно, несомненно, / Но многое неясно» читалось как диссидентство мало чем хуже «Хроники» в 74. — *Примеч. автора.*

бояться. Но и Ильфу не приходится бояться Зощенко, хоть ему скорей было бы за что опасаться — такое, чего у Зощенко нету. Есть свое, но другое. Глазков никого не боится. Да и Мартынов готов ко всему. По-своему. Это школа, закалка, опыт Эпохи Большой Пародии, или, если хотите, Большой Катастрофы — самой большой, центральной для нас в этом веке. Будем надеяться, хоть за оставшееся до конца века время большая случиться уже не успеет. Хотя... <...>

Автобиография

Написано, насколько нам известно, для неосуществленного издания сборника стихов в «Новом литературном обозрении», т.е. может быть датировано второй половиной 2000 — началом 2001 года. Публикуется по файлу из компьютера автора.

Родился в 1934 г. Учился в МосГорПединституте 1955–1960 (диплома нет). Там же всерьез занялся стихами. В 1959 выступил в «Синтаксисе» Гинзбурга. Тогда же попал в Лианозово, и с тех пор «заболел» неофициальной живописью не меньше, чем поэзией, но уже не как автор, а как зритель. Работал вне штата в редакциях (в основном детских) как редактор, консультант, рецензент. В 1967 году женился на А.И. Журавлевой. Работая в ВТО (до середины 80-х), издали с ней книжку «Театр Островского». С 1973 — в Московском профкомитете литераторов. С середины 60-х печатаюсь за рубежом — в переводах и тамиздате. В самиздате после «Синтаксиса» — в питерском «37» (1978 год), «Граале» (80) и «Архиве МАНИ» (81–85). По существу, первая «настоящая» публикация стихов здесь — в «Дружбе народов» (89). Можно считать, и последняя. Устраивал выставки работ художников (в основном «Лианозова» и «Чистых прудов»¹⁰) в Новосибирске (1990), в Бохуме и Бремене (1992), и в 1991 и 1992 — две программы в литмузее на Петровке, прессой проигнорированные практически полностью — при том, что лично деятели этой прессы на этих выставках-вечерах бывали...

На средства друзей выпустил «Стихи из журнала» (91 г. — из журнала «37»), «Справку» (1992 г. — свод напечатанного по-русски за рубежом), «Пакет», «Портрет Инфантэ¹¹» и «Мир Пономарева» (96), «Дойче Бух» (1998) и «Лианозово» (1999). До лета 2000 года публиковался в интернетном russ.ru¹². В настоящее время вишу на сайте Александра Левина (levin.rinet.ru) и остаюсь ему признателен.

¹⁰ В данном случае имеются в виду Э. Булатов, О. Васильев, И. Кабаков.

¹¹ Написание фамилии Франциско Инфанте варьируется даже в подготовленных самим художником книгах; у Некрасова обычно (хотя и не всегда) — «Инфантэ». Эта вариативность сохраняется и у нас, в каждом случае мы ориентируемся на конкретный источник.

¹² Продолжал печататься и позже; подробнее см. об этом у Е.Н. Пенской в настоящем издании.

Письмо А.И. Цюрупе

Письмо к школьному другу Алексею Игоревичу Цюрупе, с которым Некрасов всю жизнь переписывался (вулканолог Цюрупа уехал на Камчатку), видимо, написано в 1990-х: точнее датировать не можем, потому что упоминаемого рассказа Цюрупы мы не нашли, а сам Алексей Игоревич, к которому мы обращались вскоре после смерти Некрасова и незадолго до его собственного ухода (в 2011 году), не смог, к сожалению, объяснить нам, о чем идет речь.

Публикуется по машинописной копии (с купюрами) из личного архива; сделавшая копию Анна Ивановна Журавлева сопроводила ее следующим пояснением: «Письмо Алексею Игоревичу Цюрупе, посланное Севой по поводу рассказа Цюрупы, опубликованного в “Камчатской газете”, в котором действие происходит в послевоенной Москве и выведены их общие одноклассники. Я перепечатала письмо, поскольку оно, по-моему, имеет мемуарный характер и мне было бы жаль, если бы оно пропало. — А.И. Журавлева».

Цюрупа, а ты, по-моему, толковую вещь произвел. Конечно, кто так прavit, таких не бритвой режут, а совковой лопатой. Первая половина, по-моему, совершенно в порядке, и удивительно живая, правдивая какая-то. Вторая — школьная — как будто чем-то отличается, даже не понять — чем. Вроде и всё нормально, но что-то, похоже, все-таки уходит — по сравнению с началом. Интересно просто — что бы это могло быть? Может, эта часть хочет быть возможно короче, просто как бы элементом конструкции, только для выхода на концовку? Твою, конечно, а не этого правщика. Может, наоборот, чуть не хватает еще какой-то школьной красочки, и по сравнению с городом школа слишком общая? Краски, ну вроде булыжника, на который можно тогда было выскочить из трамвая? Так-то вроде всё по делу, и вроде так именно и надо — но школа¹³ почему-то не очень, по-моему, узнается.

Не исключено, правда, что это только мои субъективные впечатления. Понятное дело, воспоминания у всякого свои. Хотя в том, что касается города, семьи, самого Лёни, тут наши впечатления, выходит, совпадают. Вот мне что кажется — цепко идет, когда ты пишешь точно о себе, ни о ком ином. А когда они беседуют с Антоном, ты все-таки чуть отпускаешь: сама по себе беседа написана вроде и бойко, умело и лишнего не видно — но это вообще беседа. Вполне сочиненная, хоть и сочиненная вполне нормально. Что за Антон, я не знаю, а того Лёни здесь, в общем, не чувствуется. Как и времени, и школы, и всякой такой специфики. А если ты в письме намекаешь, что Антон — это могу быть и я, хоть отчасти, — то это ты извини. Это уж нет. Был я куда глупей, совершенно беспомощный и не то что «домашний», а я бы даже сказал — постельный... Большую часть времени валялся с температурой и до того привык, что другой раз сам себе ее и натряхивал... И фантазер был,

¹³ Подробно о московской 170-й школе (теперь 1278-я; Петровка, 23/10) Некрасов говорит в интервью, данном В. Кулакову (см. ниже).

естественно, вроде тебя — хоть и не столь развитый. Холод, мгла какая-то, читаю Гоголя и страшно ужасно.

Еще небось и валяюсь. С тех пор не очень люблю, когда в комнате нет верхнего света. И занимались мы с тобой пиротехникой. Причем припасы были твои. Вот это я помню. Понимаешь, сюжетный ход — особое дело, он-то может быть и придуман, если только он придуман удачно. У тебя, по-моему, удачно, толково. Но насколько он удачный и годится — это, наверно, видно именно по тому, насколько он не требует лишнего придумывания и надумывания. Второй же разговор — когда уже после войны и т.д. — всё же, по-моему, просто длинноват. Тут опять-таки особо не выглядывают ни ты, ни Маркович¹⁴... а для рассказа в целом лучше было бы ему быть возможно кратче. Как раз тот случай. — А помнишь такого-то? Еще бы Лёне не помнить... А помнишь, говорили — поймали шайку... Это Лёня не помнил. — Так вот... и т.д. И странное дело, как ни старался Лёня вспомнить, и т.д., как у тебя в письме.

И еще: почему тот же трамвай и булыжник так оживают? Думаю, потому, что они функциональны, при деле, сцеплены с рассказом, т.е. задействованы, как выражается писатель Богомолов¹⁵, сами по себе как бы и невзначай, а не демонстрируются специально и старательно (кто-то может и продемонстрировать так, что лучше некуда, но, видимо, этот «кто-то» — все-таки не ты. По крайней мере в этом рассказе). Крошка, которую учительница с пальца слизывает, вроде и всем хороша, а все-таки она здесь отдельно и специально. Разница?.. Разница... Не помню, кстати, черный хлеб на эти «завтраки» (особенно во вторую смену хороши бывали эти завтраки — часов в шесть), помню бублики с ириской. Черный хлеб вроде бы драматичней и даже «военнее» но представляешь, как бы за ним глядеть надо было, чтобы не воровали? В магазине каждый покупатель в оба глаза за всеми следит, сам... Нет, завтраки бывали штучные. А крошку ты все-таки сочинил, хоть и не плохо, не спорю.

Еще чего помню? Везде чернила. «Непроливайка» стояла у каждого или у одного на парте. Из белых, фарфоровых, не вытряхнешь, и в них всегда гуща. Разъемные, такой формы, что твои вулканы, из довоенной пластмассы (элегантная была вещь), всегда текут. Когда засохнет, очень красиво отливает на пластмассе. На тетрадках, книжках — уже не так красиво. Сидят в пальто, батареи еле дышат. Голова болит — это обязательно. Тесно, народу много, а проветришь не больно-то. Уроки, на которых учительница Марья Тимофеевна просто читает книжку. В основном «Марку страны Гонделупы»¹⁶. Абажуры эти белого стекла выраженного желтого цвета — вечером напряжение сильно садится. Кажется,

¹⁴ Имеется в виду соученик, эмигрант серб Милен Маркович; о нем упоминает и учившийся в той же школе Дмитрий Урнов в своей книге «На благо лошадей...» (М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2011. С. 609–610).

¹⁵ Ироническое упоминание о Владимире Осиповиче Богомолоче, в военных романах которого этот глагол — возможно, профессиональный термин — попадает нередко.

¹⁶ Имеется в виду повесть С. Могилевской «Марка страны Гонделупы» (1941).